

Панорама Барселоны.

Площадь de la carbonera, Барселона. 1992 г.

ХОСЕ АСЕБИЛЬО: «МЫ СТАЛИ ТВОРЦАМИ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Хосе Асебилю – для архитектурной Барселоны имя знаковое. Для Барселоны это вообще легенда. Человек, под руководством которого городское строительство преобразилось перед летней Олимпиадой-1992, при этом сохранив все свои исторические памятники. Асебилю сегодня работает и в России – ему доверено проектирование главного здания деревни Универсады-2013 в Казани, в Екатеринбурге он активно участвует в разработке нового генплана города.

У именитого испанца немало наград и регалий, но он ими не кичится. Главный архитектор студии A&S Architectural Systems Office (Швейцария), руководитель Совета по развитию городской инфраструктуры Барселоны (Испания), профес-

сор Академии архитектуры AAM-USI (Швейцария) приветливо жмет руку и радостно отвечает на наши вопросы по-итальянски. А вот бы еще – по-испански, по-каталонски и по-английски.

Мы встречаемся с профессором в Санкт-Петербурге, за день до открытия Международного экономического форума. Асебилю прилетел в Северную столицу по приглашению X21 Modern Art Foundation. На его лекцию «Новые городские парадигмы в российском глобальном и локальном контексте» собрались архитекторы и эксперты. Профессор рассказывает о том, как познать –

– В современной градостроительной литературе и, в частности, в ваших трудах, широкое распространение получили термин аккумуляция и цикла. Он возник в испаноязычной среде? Что под ним понимается? Хосе Асебилю Сложно сказать, кто первым использовал этот термин.

В случае Барселоны аккумуляция – т.е. точечное воздействие на городскую среду – соответствует тому, что было сделано. Это метафора. Но она показывает, что большие городские преобразования могут состояться благодаря аккумуляции большого количества малых проектов. За 7 лет в Барселоне было реализовано 140 проектов. То есть один-два масштабных проекта, которые затмят все существовавшее до того, не всегда есть хорошо. Бывает полезнее точно и аккуратно провести красивую, тонкую операцию по трансформации городских пространств.

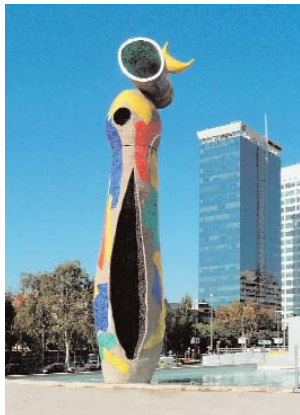
– Известно, что аккумуляция берет свое начало в доиндустриальном Древнем Китае. Как вы считаете, нуждается ли сегодня градостроительная и архитектурная мысль в философском обосновании?

ки в Олимпиаде в Барселоне создали 140 непохожих друг на друга проектов, сформировавших современное лицо каталонской столицы. Великие зоркие прошлого создали облик нашей Северной столицы – такими, какими мы его знаем. Что и как могут изменить архитектуры – об этом и многом другом и была наша беседа.

Х.А. Безусловно. Город не представлял бы никакой значимости в нашей жизни без философского обоснования. Шенклер писал: What is the city but the people? (Что такое город, если не люди?). Поэт ставит на первое место человеческую личность в определении того, что такое город. И я с ним полностью согласен – город и люди, которые в нем обитают, являются неотделимыми понятиями. Это единое целое, единый живой организм. И как еще воздействовать на город, если не с помощью операций, применимых к людям и их недугам? Поэтому метафора «аккумуляция» для меня включает в себя две составляющие: определение особых точек для инъекций и правильность их сочетания. Здесь и начинается философия.

В 1980-е, когда мы приступили к обновлению Барселоны, теория многофункциональных общественных пространств, где люди могли бы встречаться, общаться, гулять, почти не применялась на практике. Представители Современного движения – Ле Корбюзье и другие пионеры «новой архитектуры», советские урбанисты – практически не брали в расчет необходимость создания таких пространств в городах. В Барселоне нужно было определить, что является современным городским общественным пространством.

В этой связи мы не просто реализовали 140 абстрактных проектов, а осуществили 140 проектов именно по обустройству таких пространств. Возможно, это прозвучит высокопарно, но мы стали творцами своего рода революции. В ее свершении нам очень помогли и

Хуан Миро - «Женщина и птица». 1983 г.

талантливые художники и скульпторы – такие как Ричард Серра, Энтони Карро, Рой Лихтенштейн, Хуан Миро и др. Именно они наполнили городские пространства философией, без которой градостроительство не вышло бы за рамки технического проекта.

– Сегодняшний город не имеет права не располагать общественными пространствами?

Х.А.: Конечно! Без современных общественных пространств сегодня не может функционировать ни один город – как человек не может функционировать без позвоночника. И поэтому я активно призываю городские власти и архитекторов России парализовать над тем, что город – это не просто скопление зданий, а гармоничное сочетание общественных пространств, о которых нужно думать до того, как проектировать здания. В С.-Петербурге это наглядно отражено: урбанистка Свердловской столицы – это как раз урбанистка городских

пространств. Не говоря уже о величии его зданий. Но даже без архитектуры это необыкновенный город – именно благодаря очень высокому качеству общественных пространств. Ведь их не может быть много. К примеру, пришло каждый раз на Красную площадь в Москве, вы видите Кремль. Но не только его красота делает Красную площадь уникальной – крепились и в других городах России. И не только здание ГУМа или собор Василия Блаженного. Общественное пространство этого места наделено своей уникальностью благодаря другим вещам – это самая большая открытая площадь, есть еще знаменитая Брусчатка и т.д. В Москве имеется и множество бульваров. Но когда я бываю в вашей столице, я ощущаю недостаток общественных пространств, о которых нужно думать до того, как проектировать здания. В Москве реализуется не так много проектов, которые принимали бы во внимание все эти обстоятельства.

Класс Ольденбург и Кози ван Брюгген. 1992 г.

Я участвовал в разработке одного из них – микрорайона «Садовые кварталы» в Хамовниках. По проекту там будет центральная площадь, вокруг которой будет основная застройка. Это первый проект подобного рода в столице России. Избытка в подобных проектах у вас в стране нет. Почему-то считается, что достаточно поставить фонтан, провести косметический ремонт зданий – и все. Это структурный вопрос. Речь идет не о ландшафте, не о поверхностных решениях, а о серьезных проектах, которые решают комплексные задачи.

– Существует ли, по вашему мнению, какой-то идеальный проект общественных пространств в городе?

Х.А.: Работа архитектора как раз и заключается в постоянном измерении этих пропорций. Это основа любого города, то, что называется его гранулометрией. Проектирование города должно основано на представлении как заполнения пространства. Также процесс определения пропор-

ций можно сравнить с приготовлением палаты, вкусовые качества которой зависят от пропорций ингредиентов. Средневековые города не отличались наличием большого количества общественных пространств. Например, Москва XIV-XV веков имела меньше число общественных пространств, чем Санкт-Петербург XIX века. Петербург лидирует в этом отношении и в сравнении с Венецией, но это не делает итальянский город менее красивым.

– Каким образом в Барселоне было выявлено 140 «биологически активных» точек воздействия на ткань города, где впоследствии были разбиты парки и скверы? Интересна такая методика, последовательность шагов.

Х.А.: В то период, когда мы начинали преобразование в Барселоне, Испания находилась на новом политическом этапе после смерти Франко. В этой связи оно определяет своеобразие и самобытность любого города. Без смыслового наполнения город немес-

Рой Лихтенштейн - «Лицо Барселона». 1992 г.

с оставлением самобытности столицы Каталонии, с восстановлением городского и культурного пейзажа, памятников города. Мы выбрали этико-философскую перспективу. Посмотреть на новые объекты сада, маленькие площади – там, где люди раньше жили без общественных пространств. Наш подход интегрирует два начала: с одной стороны, структурно-функциональный, с другой – знаково-символический, что и стало основой для выбора последовательности.

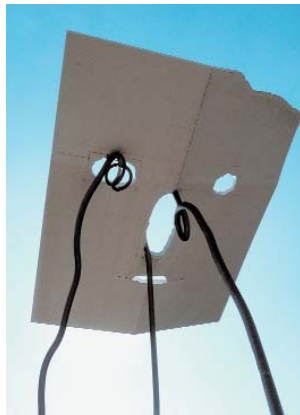
– Раз уж речь зашла о символизме в архитектуре. Как вы считаете, нуждается ли архитектурно-символическая карта городов в постоянном обновлении и модернизации?

Х.А.: Город – это спортивное искусство. В отличие, скажем, от природы. Эта искусственность и порождает необходимость в символе.

Она определяет своеобразие и самобытность любого города. Без смыслового наполнения город немес-

лим. Возьмите Кремль и Красную площадь в Москве или Дворцовую площадь в Санкт-Петербурге. Для всего мира это не просто архитектурные сооружения – это часть истории. Символическим образом воспринимается самобытность города, и в абсолютном не согласен с современным тезисом о том, что эту функцию выполняет иконическая архитектура, то есть такая архитектура, которая только благодаря своему экстраординарному внешнему виду пытается затмить все остальное. Когда я приезжаю в Санкт-Петербург, то обязательно гуляю по Невскому проспекту и Сенатской площади. Иду к Медному всаднику и крейсеру «Аврора». Да, «Аврора» как боевой корабль уже нефункциональна, но она болельщик, чем просто крейсер. Это безусловный символ города. И так их в Петербурге много.

– В последние годы во многих европейских городах возникают новые символы – крупные высотные зда-

Антонио Льяна - «Давид и Голиаф». 1993 г.

ния. В Москве это «Москва-Сити», в Петербурге – планируемое здание штаб-квартиры «Газпрома», высокие новостройки в регионах – в частности, в Екатеринбурге. Каково ваше отношение к моде на подобные высотные доминанты?

Х.А.: Я абсолютно не против высотного строительства. Даже, напротив, рассматриваю его как необходимость для современного города, отвечающего требованиям глобализации. Высотные доминанты повышают жизнеспособность города, помогают креативно регулировать его гранулометрию. Однако подобные проекты должны учитывать конкретные особенности места, в котором они реализуются. Архитектурные проекты должны исходить из необходимости и потребности в них, а не быть данью моде. Допустим, строительство «Москва-Сити» в вашей столице является оправданным. Москва со своей деловой активностью и насыщенной жизнью должна взять на себя роль

финансового центра, расположенного между Лондоном и Шанхаем.

– Современный город – сложная неравновесная система, требующая адекватных методов прогнозирования и конструирования. Опытный планировщик не может ими сегодня не владеть. Вы не могли бы поделиться профессиональными секретами?

Х.А.: За последние два года мы разрабатывали так называемую систему «городского метаболизма», которую можно охарактеризовать как закон, контролирующей городские преобразования. Город функционирует хорошо или плохо в зависимости от своего метаболизма, который, в свою очередь, основывается на двух факторах: энергетической рациональности и мобильности. Это и есть параметры для прогнозирования будущего города.

Материал подготовили Алексей Садыков и Юрий Плохов

Национальный конференц-центр, Дублин, Ирландия, 2010 г.
Галерея входного павильона.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

Национальный конференц-центр, Дублин, Ирландия, 2010 г.
Интерьер входного павильона.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

Кевин Роч.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

АРХИТЕКТУРА КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ Интервью с Кевинном Рочем

Наша беседа с 89-летним американским архитектором Кевинном Рочем началась с его воспоминаний о поездке в Москву и Ленинград в начале 70-х. В американском посольстве в Москве проходила его выставка, и Роч выступил там с лекцией перед советскими архитекторами. Он был крайне удивлен, когда я рассказал ему о необычных экспериментальных модернистских зданиях, которые тогда строи-

лись в СССР на фоне серии односторонних «курсов». Рочу никакие экспериментальные постройки не показывали. Он не видел и значительных шедевров авангарда. Культурная программа его визита архитектуру XX века не включала вовсе.

А перед тем, как прочесть лекцию архитектором, его попросили тоже самое рассказать агентам КГБ. Среди наиболее известных проектов Роча: штаб-квартира Фонда Форда на 42-й стрит в Нью-Йорке и Ослендский музей в Калифорнии. Оба здания построены в 1968 году и принадлежат к числу ранних примеров современной архитектуры: в первом случае — это зеленый атриум, а во втором — зеленая крыша. Другие канонические проекты Роча: закрытая спортивная арена Veterans Memorial Coliseum в Нью-Хейвене (1972 г., снесен в 2007-м) и гостинично-офисный комплекс по адресу Олден-Оуэн-Плейс в Нью-Йорке (1975 г.). С 1967 года офис Роча ведет все новые и реставрационные проекты Музея Метрополитен в Нью-Йорке. Из недавних крупных проектов

назову кампус штаб-квартиры банка Santander в Мадриде (2005 г.) и Национальный конференц-центр в Дублине (2010 г.).

В последние годы проекты Роча редко попадают на страницы популярных архитектурных журналов. Тем интереснее оказалась новость о проходящей сейчас выставке его работ в Йельском университете, которой предшествует в дальнейшем двухлетний тур по университетам и музеям США и Канады. Кевин Роч — один из наиболее признанных и авторитетных архитекторов. В 1982 году он стал четвертым в истории лауреатом Придверской премии. В 1990 году он был награжден медалью Американской академии искусств и литературы, а в 1993-м — Золотой медалью Американского института архитекторов.

над всеми его проектами, вы и ваш партнер Джон Динкелло переименовали «Эдзо Саавирени энд Ассошиэйтс» в «Кевин Роч Джон Динкелло энд Ассошиэйтс». Расскажите, пожалуйста, о реструктуризации вашего бюро.

Кевин Роч: К тому времени мы завершили все проекты, начатые Эдзо, и работали над новыми, такими как Ослендский музей искусств и Фонд Форда. Эдзо был всего 51 год, когда он внезапно

Штаб-квартира Фонда Форда, Нью-Йорк, США, 1968 г.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

Владимир Белоголовый: Ваша компания, как известно, первая наследница офиса Эдзо Саавирени. В 1966 году, через пять лет после смерти Саавирени, закончив работу

Штаб-квартира Bourgeois SA Holding Company, Париж, Франция, 2002 г.

Главный фасад, Сад внутреннего двора.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

но ушел из жизни, и поэтому мы никогда не обсуждали, что должно произойти с фирмой после его кончины. Но мы пришли к выводу, что для того чтобы продолжить работу, нам необходимо получить новые заказы, в противном случае, компания умерла бы и не смогла завершить проекты, которые были начаты ранее. Мы не проводили никакой реструктуризации. С того дня, когда он умер, это уже была другая фирма, и мы поменяли название, завершив его последний проект: Арду в Сант-Луке на входе в Мемориальный национальный парк имени Томаса Джефферсона. Джон Динкелю занимался привлечением новых проектов,

Штаб-квартира Knights of Columbus («Рыцари Колумба»), Нью-Хейвен, Коннектикут, США, 1969 г.
Экстерьер: справа – крытая спортивная арена Veterans Memorial Coliseum, спроектированная в 2007 г.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

а я был ведущим проектировщиком. Джона не стало в 1981 году, но название компании сохраняется и по сей день.
– Давайте поговорим о проходящей сейчас в Йеле вашей выставке. Ей предшествовала экспозиция «Эро Сааринен: Формирование будущего», которая проходила в Европе и США с 2006 по 2010 год. Выставка Сааринена, насколько мне известно, базировалась на материалах его архива, который вы передали в дар Йелю в 2002 году?

КР: Да, это так. Идея той выставки принадлежала Роберту Стерну, декану Йеля. Он предложил купить у меня архив Сааринена, но я вовсе не собирался на этом зарабатывать. Это был большой коллекция рисунков, фотографий, макетов и корреспонденции. Йельский университет – это правильное место для его архива, так как он окончил именно этот университет. Я должен заметить, что довольно долго он был почти забыт, и его проекты не привлекали большого внимания. В интеллектуальной среде Сааринена обычно критиковали.

– Недавняя выставка Сааринена стала первой за много лет после его смерти!

КР: Это правда. Я никогда не мог по-

нять, почему интерес к его творчеству исчез сразу после его кончины. Если кто-то и вспоминал о нем, то скорее критически, и к его архиву никто не проявлял особого интереса.

– Нынешняя выставка базируется на вашем собственном архиве, который вы также передали в дар Йелю, не так ли?

КР: Да, но, по правде сказать, никто и к моему архиву не проявлял большого интереса. Вообще, с архивами всегда возникает проблема хранения. Что со всем этим делать – горы бумаги, макетов? И кому все это нужно? Как ведь?

– Есть надежда, что придет время, когда люди проявят интерес... Но вернемся к вашей выставке в Йеле «Кевин Роч: Архитектура как среда обитания». Куратор этой выставки Ива-Лиза Пелконен говорит, что «когда такие архитекторы прошлых лет, как ментор Роча, Эро Сааринен, видят цель архитектуры в том, чтобы создавать красивые объекты, независимо от их окружения, Роч воспринимал свои объекты как часть среды». Куратор описывает вас как одного из наиболее системных мыслителей, которые приносят системный анализ в архитектуру, она считает, что вы один из

первых архитекторов стали рассматривать транспортные проблемы как архитектурные и интегрировать ландшафт в здания. Расскажите о своем видении архитектуры как среды.

КР: Но ведь это же идея!

– Значит, все это не так? Разве вы не встречались и не общались с ней?

КР: Конечно же, мы общались, и довольно много. Я очень доволен книгой, которую она написала. Но не размышляю о том, как в реальном мире эти иные архитектурные задачи. Я совсем иначе мыслю.

– Как же именно?

КР: Я размышляю о решении задачи. Я думаю о том, как все завязано буквально от всего. Как реализовать такой проект, чтобы стимулировать всех и улучшать жизнь людей? И как нужно это сделать, чтобы убедить кого-то сделать в том, что именно ваш проект достоин реализации? Только если вы сможете объяснить ваш проект с помощью таких основополагающих понятий и убедить, что именно таким образом людям и обществу от вашего проекта станет лучше, только тогда вас подкупят и поддержат.

– Но вы действительно видите в своих зданиях продолжение среды,

Исследовательский корпус компании Lucant Technologies, Нэпerville, Иллинойс, США, 2001 г.
Экстерьер со стороны входного павильона.
Интерьер входного павильона.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

в отличие от представления Сааринена о зданиях как о красивых объектах?

КР: Я вижу их и так, и этак. Я имею в виду, что нельзя избежать желания воспринимать здания как красивые объекты, потому что они, безусловно, таковыми являются. Но здания должны быть и чем-то большим. Аспект создания сообществ очень важен, конечно. И все же существует и некая абстракция... Что-то должно быть построено, и как прийти к образу этого чего-то? Архитектура все же искусство, а не только социальный инструмент.

– Ваш проект штаб-квартиры Knights of Columbus («Рыцари Колумба») здесь, в Нью-Хейвене, часто описывают как здание, спроектированное специально для восприятия с автострады. Это здание всегда выделяется, когда подъезжаешь к городу. Действительно ли оно было спланировано так, чтобы лучше всего смотреться с трассы?

КР: Я никогда не думал об этом. Во-первых, это здание было придумано как скульптурный объект. Оно стоит рядом с автострадой, и поэтому его можно видеть из окон автомобилей. Это необычная офисная высота. В ней находится штаб-квартира благотворительной организации, поэтому она должна была

иметь некие отличительные черты. На меня большее впечатление в то время производили трубы. В XIX веке Коннектикут был промышленным штатом. Конечно же, были причины, чтобы расколоть туалеты и лестницы в угловых башнях. Это позволило минимизировать площадь центрального утилитарного ядра и тем самым увеличить площадь офисных помещений на каждом этаже. Ведь участок, на котором стоит эта башня, совсем небольшой. Но идея именно таких угловых башен появилась под влиянием труб, которых множество в этом районе. Кстати, знаменитый итальянский инженер Пьер Луиджи Нерни несколько лет назад построил в Монреале Torre della Borsa с глупыми углами. И, конечно же, средневековые замки известны своими скрученными угловыми башнями, которые строились в целях обороны.

– Замок Урбино – известный такой пример, или лондонский Тауэр. И наверняка вы были в таких замках и Ирландии. Вы думали о замках ирландских рыцарей, ведь и в названии корпорации есть слово «рыцари»?

КР: Я мог бы на это ответить утвердительно, но и об этом совершенно не думал.

А еще я думал об элеваторных башнях-силосах, часто встречающихся на Среднем Западе. Именно поэтому мы облицовали наши башни типичной для силосов плиткой, а не кирпичом.

– В одном из интервью вы сказали, что в середине 60-х вас очень привлекали хайвэй и мосты. Когда-то Диего Ривера сравнил американских инженеров с великими художниками, их хайвэй и мосты он считал самыми красивыми сооружениями Америки. Это было тогда, а откуда вы черпаете свое вдохновение сегодня?

КР: Среда и контекст всегда служат источниками вдохновения в наших проектах. А вообще сегодняшняя архитектура вызывает много вопросов. Я совсем не хочу никого критиковать, но сегодня в архитектуре присутствует чрезмерная игривость, даже превосходность, не

имеющая ничего общего с функциональностью, как это подразумевалось школой Баухауса. Часто такая архитектура не имеет ничего общего и с целесообразностью конструкций. И она не отвечает нуждам людей, для которых она создается. Архитектура нередко создается ради картинки. Есть две группы людей: те, кто пользуется зданиями, и те, кто лобуется ими со стороны, что эстетически. В настоящее время архитекторы слишком большое внимание уделяют вторым.

– Это правда, что картинка часто становится более привлекательной, чем реальность. Вы спроектировали экспериментальные штаб-квартиры. Есть ли у вас определенная теория или подход к проектированию этого типа зданий?

Сборочный завод Cummins Engine Company, Колумбус, Индиана, 1973 г.

Вид со стороны главного въезда
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

Кампус штаб-квартиры банка Santander, Мадрид, Испания, 2005 г.
© Kevin Roche John Dinkeloo and Associates.

КР: Мы реализовали 37 корпоративных штаб-квартир. Когда мы переехали сюда 40 лет назад, мы и не подозревали, что столько американских корпораций базируется именно в этом районе. Что же касается подхода, то, во-первых, вам следует убедить заказчиков в том, что вы полностью на стороне их корпорации и поэтому желаете сделать работающую у них людей более счастливыми и, в конечном итоге, более продуктивными. Служащие офиса целый день сидят перед компьютерными экранами. Это невероятно скучно. Моя задача – обратить их внимание на другие вещи. Жизнь интересна тем, что вы видите и ощущаете каждый день. Самая важная часть жизни – это общение между людьми. Я всегда восторгаюсь, особенно в Европе, жизнью в маленьких городах. Меня лично не привлекает такая жизнь, потому что там все про вас все знают, но людям нравится такое чувство общности. Вы встречаетесь

на центральной площади, и там есть все – церковь, бар, клуб, кинотеатр. Когда мы планируем корпоративные здания, мы стараемся создать аналогичное разнообразие: ресторан с местными внутри и снаружи, и не один, а разные типы ресторанов. Мы часто интерируем туда магазины и места развлечений, например, небольшой театр или музей.

– **Значит, форма возникает много позже.**

КР: Конечно. Вначале вы думаете о потребностях людей, а уже потом о форме. Разве в изобретении формы смысл архитектуры? Если это то, чем архитекторы хотят заниматься больше всего, то почему им не заняться скульптурой? Я здесь, чтобы служить обществу и делать это с максимальным воображением.

– **Ваша архитектура чрезвычайно разнообразна – от очень смелых персональных решений, как в случае со зданием Knights of Columbus, до очень традиционных стилистических подражаний, как в случае с Еврейским музеем или Музеем Метрополитен в Нью-Йорке. Как вам удается сочетать столь разные подходы?**

КР: Существуют разные задачи. Вы должны задаться вопросом: в чем смысл и цель этого здания? Стоит ли подчеркивать существующее здание? Некоторые архитекторы заявляют: «Архитектура должна всегда быть современной». Но лично я так вовсе не считаю.

– **Будучи студентом в Нью-Йорке в середине 90-х, я помню, как появилось новое крыло Еврейского музея, построенное по вашему проекту на Пятой авеню в неоготическом стиле. Эта пристройка встала тогда рядом со зданием-оригиналом так, будто оно всегда там стояло. Сегодня можно вполне поверить, что ваше здание построено не в конце XX века, а в его начале. Я был очень огорчен, когда узнал, что архитектор-современник решил достроить историческое здание.**

КР: Что ж, многие архитекторы были огорчены. Мне не казалось тогда, что выделенный участок подходил для модернистского высказывания. Уверен, что Фрэнк Гери поступил бы иначе. Когда мы приехали на тот проект, на его месте стояло другое здание, построенное всего несколькими годами ранее, и оно было совершенно неудачным. Нам пришлось его полностью снести и освободить место для нашего здания. Оригинал – очень эlegantное здание по проекту Чарльза Гилберта, и почему было не подчеркнуть эту красоту с помощью пристройки в том же стиле? Я не знаю, правильно это или нет. Я чувствовал, что так будет правильно, и я до сих пор так считаю.

Я посетил выставку проектов Роча до встречи с ним, и мне захотелось непременно вернуться туда и взглянуть на них вживую. Главное, на что хочется обратить внимание – это эксклюзивность его работ и толерантность взглядов. Его индивидуальный подход к каждо-

му проекту действительно отличается от всяких догматических предрассудков, которые мешают многим современным мастерам трезво решать различные архитектурные задачи по-разному, а не следовать слепо лишь собственной придуманной или подсмотренной и усвоенной раз и навсегда стилистике. Мне повезло – в галерее в случайно познакомился с супругой Кевина Роча и матерью их пятерых детей. Она рассказала мне о необычном методе подачи архитектором своих проектов заказчику. Роч постепенно знакомит клиента со своими решениями. И когда после демонстрации множества схем, рисунков и рациональных объяснений, клиента наконец приглашают в кабинетный зал, наступают моменты истины. Перед ним предстает определенный макет, да еще таких размеров, что в него можно войти – протиснуться целиком. Заказчик вдруг осознает свое полное удовлетворение от того, что архитектуру удалось найти столь удачное пространственное решение, придуманное специально для него.

Находясь среди огромных выставочных макетов и планшетов проектов Роча и вспоминая его рассуждения, я проникся мыслью, что миссия любого архитектора не только в том, чтобы нести своими проектами эмоциональную скульптурность, но и действительно обогатить среду обитания каждого человека. Роч делает это с завидным воображением.

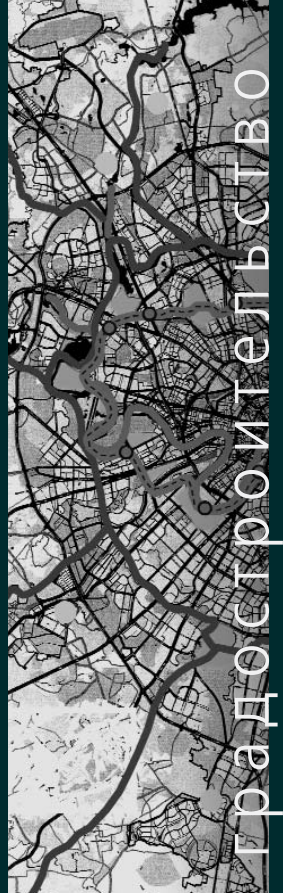
Владимир Белоголовский

Градоустройство –
окно возможностей.
Комментирует Илья Лежава

Москва в точке перехода.
В развитие плана транспортного
переустройства столицы

Морфотипы застройки –
инструмент
описательно-познавательный
или действительно-операционный?
Часть 2-я

Архитектурная концепция
комплекса доступного жилья
в Каркасе.
Рассказывает руководитель проекта
С.В. Миндрул

градоустройство